

«ИНТИМНОЕ СОБЕСЕДОВАНИЕ» СВЕТЛАНЫ ВАСИЛЕНКО

Светлана Василенко. *«Дневные и утренние размышления о любви»* М.: Союз российских писателей, 2016

У Светланы Василенко, писателя известного и даже в начале XXI столетия прогремевшего, вышел большой одностомник, озаглавленный «Дневные и утренние размышления о любви». Однако, открыв книгу, мы убеждаемся, что это не одностомник, это много книг в одном большом томе; то есть, можно даже сказать, «юбилейное» собрание сочинений. Светлана в юности очень любила В. Маяковского, и у неё, — читаем в книге, — «был такой огромный том его избранных произведений в 600 страниц...» Вот и у неё самой, волею судьбы, «родился» и пошёл по свету собственный, почти шестисотстраничный гигант.

Весь текст «возглавлен» романом-житием «Дурочка» (1993–98). Когда он вышел впервые, журнально, в «Новом мире», то сразу был замечен, о нём заговорили.

Многие почуяли в этой «бесприютной фантазмагии» особую искренность, исповедальность, жёсткость, трагичность. Казалось бы, в повествовании жизнь при поверхностном чтении предстаёт вполне реальной: тётка Харыта привозит устраивать в детский дом немую девочку. Она всё время молчит. Не умеет говорить. Но, бывает, песни поёт. Появление этой девочки было чудесным: «На плоту приплыла, по реке, в колыбельке. На малиновой подушечке, как куколка, лежала. Я лошадку поила, смотрю — плывёт, я мужиков покричала, выловили. Она ещё грудная была, всем селом выкармливали... Сейчас кормить нечем, голод кругом, вот сдаю...». В появлении героини «жития» сразу задана сказочность — вот так, из водной стихии, обрелись на Руси чудотворные иконы, приплывали по реке, становились местными святынями... Но героиню-девочку Ганну ожидает не радость домашнего уюта, а мытарства и испытания. Судьба ведёт её по белу свету как юродивую, её глазами мы постепенно начинаем видеть причудливый, жутковатый мир. Ей открываются «бездны»: убийство сторожем детдома мальчика, гибель людей, её приютивших, аресты... Было от чего оглохнуть к этому миру, уйти в себя, впасть в своеобразный аутизм. Но Ганна широко открытыми глазами видит людей, видит природу. Вот как она (прямо медитативно!) разглядывает стрекозу: «У стрекозы было лёгкое, почти невесомое, будто не нужное ей, сухое тело. У стрекозы были лёгкие, прозрачные, как воздух, крылья. На круглой голове её помещались два огромных глаза. Они были во всю голову, и вместо головы — глаза. Она будто думала глазами. Стрекозу, словно лёгкую и невесомую душу, спустили с небес на землю — смотреть». И мы начинаем понимать, что Ганна — никто иная, как Душа. В присутствии Души всё оживает, становится антропоморфным: «Река, сверкая и извиваясь, вдруг улыбнулось Ганне злобно сверкающей, лукаво ускользающей змеиной улыбкой...». И та же река в прозе у С. Василенко может обрести особую «оптику» образа: «Речка сверкала на солнце и становилось всё меньше и меньше, будто усыхала у неё на глазах. Её уже всю можно было поместить в кружку. Хотелось выпить речку».

Разворачивается постепенно, строится событиями и характерами тканый холст народной жизни — тут и бой кулачный на льду реки, и гибель убиенного священника в проруби, и сияющий солнечно ледяной крест. Текст всё более мифологизируется.

Появляется из небытия легендарный Стенька Разин; кузнец рассказывает девочке, каким был Стенька: «В острог запрячут — возьмёт уголь, на стене лодку нарисует, попросит воды испить, плеснёт — река станет. Сядет на лодку, кликнет товарищей, и уж плывёт Стенька». И в роман развернувшийся, постепенно начинают входить в права чудеса: то девочку, убогую дурочку деревенскую, за русалочку из реки Ахтубы примут, то стихия повествования сделает её «дочкой ханской, мамынской». Претерпев насилие, учинённое над ней бандитами, она в сонном видении видит Божью Матерь. «— Ты любимая дочь Господа, — сказала Ганне. — Я? — удивилась Ганна. — Но почему я? — Ты страдала, — легко сказала Божья Мать». И тут, вопреки мыслимым канонам, в Ганне воссияла, раскрылась способность творить чудеса, излечивать. Нет, мёртвых она не воскрешала, но исцеляла страждущих. Да, читатель, вот где мы всё-таки понимаем, что это не просто повествование, а житие. Тело её осквернили, Душа осталась невинной. К концу повести Ганна чудом оказывается в своей родной семье. Повествование ведётся уже от лица её родного брата. Следует будто опрощение юродивого, очень русского по своей органике образа — и не целительница она уже, не чудодейница, а простая беременная дурочка. Именно в этой, последней части текста, когда Ганна-Надька снова, замкнувшись в себе, входит в обычный повседневный мир, брат её говорит, что он «чувствует Надькину добрую прекрасную душу, на которую накинута зачем-то глухое и немое тело, будто засадили в тюрьму, где ни звука, ни крика».

И самым важным, самым главным апофеозом повествования стала заключительная сцена, в которой деревенская Дурочка возносится над землёй, обхватив свой живот, как воздушный шар, и этим спасает планету в миг вселенской опасности, когда мир очутился на пороге Конца Света. Тут есть потрясающий сопутствующий фон этой картины: «Стояли овцы, подняв свои кроткие лица к небу», — мы слышим чуть не

библейское, иконописное по тональности звучание. Надька-Ганна своим непостижимым для неверующих «вознесением» спасает Землю, она рождает огромное красное солнце, новое Солнце. Смерти не будет, не будет ядерной войны, наступит новый, обновлённый духом мир!.. Тут не «софийность», а через страдание и муки рождения — явление миру сокровенной Природы Планеты. Вот такая скромная вселенская мистерия от Дурочки! И совсем не удивительно, что критика по выходе романа открыто говорила, что «не понимает» последней сцены. Духовное, даже чисто художественное, понять на фоне «горизонтальных», современных, густо метафорических текстов — нелегко.

В «Дурочке» немало сопутствующих главному образу персонажей. Тут и боголюбивая, жертвенная тётка Харьта, и добрая, душевная баба Маня, и злобно-одномерная дочь советской эпохи, атеистующая Тракторина; выпуклы и детские лица, и эпизодические, проходные... Действие во времени смещается; то это советские тридцатые годы с соответствующими духу времени атрибутами, а к концу — начало 1960-х, кубинский кризис, мир на грани атомной войны. Эта тема для творчества Светланы давно магистральная — в новой книге не раз она возвращается к своему родному городку Капустин Яр Астраханской области, у речки Ахтубы, к пережитым там событиям. Василенко стала полноправным и, думаю, единственным летописцем этого местечка, по которому чуть не ударили американские ядерные ракеты. И тогда все они, жители, особенно дети, при ожидании неминуемой смерти пережили нечто жуткое и великое. Ужас предсмертья учит. Жрецы древнего Египта вводили себя искусственно в предсмертное состояние, чтобы познать мудрость Жизни. А простые люди, пережив смертное ожидание удара, унесли в будущие дни своё невольное душевное «посвящение», своё прикосновение к тайне.

Эта тема событий близ даты 28 октября 1962 года прописана и в другой краткой повести — «Город за колючей проволокой», и тут С. Василенко верна себе в том плане, что по её страницам непринуждённо рассказывает другая Дурочка, попроще, зато на смену той, «основной» Дурочке, явлен трогательный дурачок, сирота Лёша, немного юродивый, — тема юродства и беззащитной и тонкой «надмирности» тепло продолжена. Сей образ есть и в особом по жанру ритмико-прозаическом опыте Светланы, в её «Прозе в столбик», то есть в её верлибрах, где и речка Ахтуба, и посёлок, и её родственники, и сны. Автобиографичность и исповедальность — это у Светланы непременно присутствует во всех озаглавленных разделах её «собрания сочинений».

То, что Светлана закончила помимо Литинститута Высшие сценарные и режиссёрские курсы, чувствуется по тому, как выпукло и динамично, одновременно естественно строятся лица, характеры в её больших и малых «сказах». Они очень кинематографически зримы, и это сразу обличает талант писателя и подкупает. А есть в её творчестве черты, не связанные с кинематографом. Это, например, особое умение эффектно, афористично заканчивать текстовую протяжённость, — с чувством, с нажимом, со всею глубиной внезапно блеснувшего смысла. Это качество ей исключительно редко изменяет.

Есть в составе книги и глубинно-психологические вещи, к ним относится повесть «Звонкое имя», рассказывающая о молодой почтальонше Натке. В повести терпко и остро показана стихия мыслей Женщины в её инстинктивном противостоянии менее чуткому (с её точки зрения) мужскому началу. И её жажда любви, и обнажённо скользкая дорога двух взрослых людей на пути непрочного, болезненного сближения друг с другом...

Не только повестями «житийными» и реальными, не только рассказами, за которые не раз была премирована и отмечена автор, полны «Дневные и утренние раз-

мышления о любви». Нет, тут масса размышлений, лирики, жизненных наблюдений и «горестных замёт». Этот дробный и очень легко читающийся свод малой прозы эссеистичен по своей сути. Столь же краткую эссеистику, ещё до того, как этот жанр так назвали, писал В. В. Розанов, самый свободный в своём самовыражении русский мыслитель. Мне о нём его друг, А. И. Цветаева давным-давно говорила, что он был человеком «интимного собеседования». Вот и у Светланы Василенко многие страницы дышат именно этим «интимным собеседованием», в котором малое может неожиданно стать большим, чем большое, а большое сравняться с малым... Речка Ахтуба может влиться в кружку, и её может выпить душою юродивая Дурочка, глядя на небо... Светлана допускает чудо на свои страницы, и ожидание чуда дремлет в её героях, не растерявших души посреди вяло текущей повседневности. Эти души живые. Они живут благодаря чуткому, прозорливому, одарённому перу Светланы Василенко.

Станислав АЙДИНЯН

